

Этнографическое обозрение

1898 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Э91

Э91 Этнографическое обозрение: 1898 1 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 169 с.

ISBN 978-5-517-93080-4

Издание Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1898 года

ISBN 978-5-517-93080-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

**Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологій и Этнографіи.**

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Очерки Витебской Бѣлоруссіи. VII. Бабы або жѣнки. <i>Н. Я. Никифоровскаго</i>	1.
II. Юридическіе обычаи якутовъ. (По матеріаламъ Н. П. Припузова). Сост. <i>Н. Харузинъ</i>	37.
III. Русская народная пѣсня и ея вліяніе на музыку. <i>П. И. Бларамберга</i>	65.
IV. Малорусское веселье. 2. Обряды и пѣсни Черниговской губ. <i>А. Н. Малинки</i>	84.
V. Къ исторіи народнаго театра. III. „Царь Максимиліанъ“ (Записъ <i>В. Костина</i>). Сообщилъ <i>А. Н. Веселовскій</i> . . .	103.
IV. Смѣсь.	
Къ вопросу о времени возникновенія хлыстовщины. <i>В. Перетца</i>	117.
Замѣтки по народной медицинѣ якутовъ и иргутянъ. <i>М. Обчинникова</i> и <i>Н. П. Припузова</i>	120.
Этюды въ области финскихъ сказокъ. (Финско-славянскія параллели). 1. Ночлегъ животныхъ. 2. Мужикъ и Морозъ, или Три чудесныя вещи. <i>А. Аарне</i>	125.
Иванъ Купала въ Черниговской губ. <i>А. Малинки</i> . . .	128.

VII. Критика и библиографія:

1. Книги, ученыя и справочныя изданія. . . 132—150.

Lubor Niederle: O původu slovanů. Studie k slovanským starožitnostem. П. Милюкова. (132). — Н. Θ. Сумцовъ: Утилитарная этнографія. (Изъ личныхъ сельскихъ наблюденій). Н. X. (141). — Н. Θ. Катановъ: Отчетъ о поѣздѣ въ Минусинскій округъ Енисейской губ. Н. X. (145). — Сибирскій Сборникъ. Приложение къ „Восточному Обозрѣнью“ 1897 г. Д. У. (146). — Календарь и Памятная книжка Вятской губ. на 1898 г. Д. С. (146). — Fridr. Müller: Ueber den Ursprung der grusinischen Schrift. А. Хаханова. (148). — „Изгнаніе Рамы“. Отрывокъ изъ поэмы „Рамаяна“. Перев. съ нѣм. яз. на грузинскій. Ал. С-швили. Ею-же. (150).

2. Журналы и газеты 151—158.

3. Новости этнографической литературы. . . 159—161.

Объявленія.

ОЧЕРКИ ВИТЕБСКОЙ БѢЛУРУССІИ *).

VII. Бабы, абб жбнки.

Съ тѣхъ незапамятныхъ временъ, когда стало раздаваться слово о ровесницѣ завѣчнаго мірозданія, этому слову находились причинные поводы и мѣсто. Однако, не взирая на его давность, общность о предметѣ изъ края въ край одномъ и томъ же, пока-что, нѣтъ законченнаго сужденія о семъ предметѣ,—нѣтъ того, что принято называть «послѣднимъ словомъ». Что же при такомъ условіи можетъ дать скромное слово этнографа, передающее жизнь уголка земного шара, или точки его, какъ раіонъ очерка? Избирая темою сказанія поставленный въ заголовкѣ предметъ, авторъ останавливается лишь на семейственной женщинѣ престопадной бѢлорусской среды, неизмѣнной сотрудницѣ бѢлорусса, даящей жизнь новому поколѣнію, подвоспитывающей его, рядящей судьбы дома и прямо или косвенно рядящей судьбы окрестнаго общества. Что же касается остальныхъ «бабъ, абб жѣны(о)кѣ», то и спѣшный, но далеко не окончательный перечень именъ ихъ покажетъ, какъ трудно въ этнографическомъ словѣ разобраться, напр., съ слѣдующими «звѣскы(а)ми»¹⁾ тѣхъ же» бабъ, абб жѣны(о)кѣ: си(е)стра, посѣстра, п(т)ѣтка, дѣдина, плимѣнина, швагѣрка, золбѣка, братбва, свой, чужка, кумка, сосѣдка, дѣльная, хожѣйка, здблѣница, мы(о)лы(о)чанка»²⁾ и проч. Оттѣняя семейное, родственное или общественное положеніе женщины, каждое изъ перечисленныхъ именъ оставляетъ за нею весьма понятную форму бытія, условій жизни

*) См. „Этн. Обзор.“, XXXIV.

и отношеній, а это приведетъ къ расширенію скромной темы очерка, ограниченнаго пока словомъ о „бабкѣ, маткѣ, жѣнкѣ и дочкѣ“.

1. Бабка.

„Бабка рѣдны(а)я! Кто изъ твоихъ «унѣчику(о)въ и унѣчицъ» не помнитъ тебя морщинистую, какъ замороженное, но оттаявшее яблоко, сухотѣльную, со втянутыми въ беззубый ротъ губами, согбенную подъ тяжестью лѣтъ, которымъ и счетъ потерянъ, съ неразлучнымъ днемъ и ночью «кѣй-комъ»—твоею третьею ногою?! Только тотъ, кто не видалъ тебя, о комъ не дошли до неба твои мольбы, не осуществились затаенныя мечты—поддержать на рукахъ «унѣчиньку». Но чего не суждено было дожидаться тебѣ, тѣмъ пресытилась твоя десятая, двадцатая сверстница, оставивъ завѣтную память «о бѣбцы рѣдны(о)й». Съ женскимъ терпѣніемъ, воспитаннымъ годами и согрѣтымъ бабкиною любовью, она начала въ колыбели то одного, то другого «унѣчиньку», до истощенія старушечьихъ силъ, разбитымъ голосомъ, до хрипоты напѣвая «коткѣ», заботливо отгоняя мухъ, поправляя колыбельную постельку и подавая «нашку да тпруцку», ¹⁾ согрѣтую то «у ямки», ²⁾ то въ своемъ беззубомъ ртѣ. Какъ ни трудно ей бывало «уссичомѣриць горѣзника», она не тревожила матери, дабы та отдохнула, «па(о)панувала за ей головой, набрала силы(о)чки», или же справила неотложную работу. Только тамъ, гдѣ «ни довиди(ѣ)ло бѣбино вѣчко», или гдѣ она оказывалась несостоятельною, бабка взывала къ материнской помощи, послѣ чего опять къ «унѣчику», къ хлопотливому уходу за нимъ, начиная съ кормленія и кончая изобрѣтеніемъ колыбельныхъ «бавъ» ³⁾.

Такъ, день за днемъ, «рѣдны(а) бабка взыбы(а)ла ⁴⁾ унѣчина», поставила его на «свое ноженъки», благодаря чему послѣдній уже является бабинымъ спутникомъ въ ея переходахъ—на печь, на полати, на лавку, даже за порогъ дома. Пользуясь правомъ «любѣ(о)го горѣзника», внукъ смѣло подползаетъ подъ бабинъ кожухъ, покрывной армякъ и вмѣстѣ съ «рѣдныи» спитъ здѣсь, или выслушиваетъ дивныя сказки,

разказы о давно-прошедшемъ, а не то горячить юную головку бабиними проектами о поимкѣ на другой день живого «вирабѣйки». Тутъ же, подъ козюхомъ бабки, а въ спѣшныхъ случаяхъ—и подъ юбкою ея, онъ находитъ надежный сховъ при „кулюкѣшкахъ“⁷⁾ и, въ особенности, при родительскомъ преслѣдованіи проказника: бабинъ козюхъ или юбка дѣлають его неприкосновеннымъ, и бабка готова отстаивать спасающагося вооруженною силою. Не ушелъ виновникъ отъ родительской потасовки, бабка ругаетъ обидчика, забывая родительскія права послѣдняго, плачетъ вмѣстѣ съ наказаннымъ, грозитъ по адресу наказавшаго и успокаиваетъ предстоящимъ походомъ въ церковь („у люди“), въ лѣсъ, за водою, поимкою «вирабѣйки». И дѣйствительно: уговоривъ внука хорошенько подкрѣпиться, взять харчевые запасы, снасти въ видѣ нитки, да приманку, она отправляется «на вирабѣйку», развиваетъ цѣлую систему поимки ея, строитъ засаду, подкарауливаетъ жертву и проч. Не удалась охота—въ ближайшей опушкѣ лѣса найдется вознагражденіе: то ягоды, то грибы—и себѣ на забаву, и отцу съ матерью на лакомство. Тамъ надо «пиримать гыннѣ одъ шкоды»⁸⁾, тутъ—выгнать, «курку съ пискляты(а)ми зъ горѣда, накормить послѣднихъ, подать имъ водицы. Нѣтъ всего этого—занятіе подъ руками: бабка захотѣла «лопунѣвъ»,⁹⁾ а внукъ уже готовитъ таковыя изъ подручной грязи, глины, раскладываетъ для примѣрнаго печенья, а потомъ суетъ ей эти скороспѣлыя «лопуны» и въ руку и даже въ ротъ. Зимой, когда стихійное подневолье приковываетъ бабку и внука въ избѣ, къ печи, подъ козюхъ, оба поколѣнія дѣятельно трудятся надъ разными «ляльками»¹⁰⁾ и, если бабка не спустилась до «дѣцѣнствы»,¹¹⁾ она поправляетъ и руководитъ работою внука; въ противномъ случаѣ—она играетъ съ внукомъ на правахъ сверстника, плачетъ при обидѣ, отнимаетъ «ляльки» и ждетъ руководства другихъ, хотя бы и старшихъ дѣтей...

Но не дай Богъ дойти до такого невмѣняемаго возраста: обаяніе «рѣдны(о)й бабки» потеряно для внуковъ, и о такихъ бабкахъ, страдалицахъ при тягостномъ концѣ ихъ жизни, остается сожалительное воспоминаніе о томъ, какъ она дралась со внуками за игрушки, какъ плакала при личныхъ неудачахъ, какъ

жаловалась на обиды и проч. Какъ при своей скорбной старости она не бывала другомъ внуковъ, такъ и послѣ смерти она не заняла отрадной памяти о себѣ,—что такъ присущей ей ровесницѣ — «стоищѣ(е)й рѣдны(о)й бабцы».

Какъ это бываетъ съ лицами ея возраста, бабка нескончаемо крѣпится да охаетъ, но неотложно творить свои бабкины дѣла — и вдругъ проснувшіеся внуки видятъ поутру свою бабушку неподвижно лежащую, съ особеннымъ спокойствіемъ на лицѣ, пожалуй, уже снаряженною по мертвецки, а по тону и поведенію старшихъ они смутно понимаютъ, что съ ихъ другомъ произошло нѣчто особенное. На робкіе вопросы о бабкѣ старшіе обыкновенно отвѣчаютъ, что, тревожимая дѣтьми, бабка очень устала и теперь спитъ, что дѣти должны вести себя спокойно, иначе разгнѣванная бабка и совсѣмъ не встанетъ: дѣти побѣждаютъ себя, спокойно выжидаютъ просыпленія ея и не могутъ надивиться, почему оно такъ длится. Голошеніе надъ бабкою старшихъ и, особенно, причитанія не разрушаютъ дѣтскихъ вѣрованій въ просыпленіе бабки; не дѣлаетъ того же положеніе въ гробъ и выносъ—бабку понесли Богу молиться. И только опусканіе въ могилу да засыпаніе землею заставляетъ вспомнить, что, при разныхъ случаяхъ дѣтскаго неповиновенія, бабка грозила «уйщицъ у ямку, засыпы(а)цца зи(е)мелькы(о)й и ни рѣзы(о)чку ни вярнѣцца къ горѣзникамъ». Неужели же бабка исполнила свою угрозу? Какъ нарочно, передъ ея сномъ, дѣти вели себя прилично, на утѣху всѣмъ; да и сама бабка давно примирилась съ ними, забыла угрозу. Какъ же такъ? Не разставаясь съ надеждою на возвращеніе домой бабки, дѣти усердно приберегаютъ ея достояніе—«кѣйкѣ, ны(о)совичку, ви(е)рцяно, шмочѣнку»¹²⁾ и другія бездѣлушки: придетъ бабка, найдетъ все въ порядкѣ, похвалитъ «уваучи-кы(о)въ»—и пойдетъ все по старому.

Тѣмъ временемъ вещественные предметы бабкинаго бытія такъ осязательно напоминаютъ объ отсутствующей: когда-то съ разрѣшенія бабки ввучъ прокатился верхомъ на гладенькомъ «кѣйку» ея по двору, даже выѣхалъ за ворота, при чемъ бабка сама возжала коника, «рѣбила пѣжку»,¹³⁾ научала, какъ обращаться съ ретивымъ коникомъ, или, покоясь на завалянкѣ,

посылала оттуда всаднику наставленіи сдерживать коника, постегивать его, не жалѣть. Запутался внукъ, упалъ вмѣстѣ съ конемъ—бабка бѣгомъ-бѣжить на выручку, ахаетъ, горюетъ по поводу случившагося и усердно бичуетъ виновнаго коня, грозя ему привязью... въ завалянкѣ... А то вотъ—и «ны(о)совичка»: она, правда, темнѣе грязной онучи; но вѣдь сюда, именно сюда бабка скопила табачные отбросы, и капельки изъ носу, каковую необходимость подсказывали ей внуки, или же управлялись съ этимъ сами. Еще такъ живо помнится любовно-благодарный взоръ ея за услугу, подѣтской неумѣлости, причинившую новыя хлопоты и услуги—внукъ нечаянно мазнулъ щеку, губу бабки... Такой же взоръ бабки припоминается по поводу найденной «ны(о)совички»: переходя свой «завулокъ», ⁽⁴⁾ бабка обронила ее при попутномъ крапивникѣ, а встрѣчный поросенокъ или щенокъ подцѣпилъ ее и проволокъ подъ бревно. Сколько ни искали сообща потери, вернулись домой ни съ чѣмъ. И не найти бы имъ цѣнной вещи, если бы не выручилъ «разумникъ-увучикъ»: онъ потрудился, онъ нашелъ!.. А утрата была бы велика: бабка съ носомъ горюй, а внукамъ и песку да глины не въ чемъ принести...

Можно ли передать все, что подобнымъ ореоломъ окружаетъ памятованіе о «родны(о)й бабцы»? Это памятованіе проходить чрезъ всѣ тѣ годы внука, когда онъ еще ждетъ возврата ея домой; соцутствуетъ въ послѣдующей то радостной, то скорбной жизни; оно не покидаетъ его и тогда, когда внукъ, окруженный уже собственными внучатами, воспроизводитъ предъ ними слова и дѣянія давней бабки,—не покидаетъ и въ дни, близкіе къ сокрытію въ могилѣ, подъ землею...

Тѣмъ же обаяніемъ дышитъ памятованіе и о «бабцы» случайной, приблудной, не связанной съ семьею кровными и родственными связями, но сжившейся съ нею, подобно родной, «вызыбы(а)вшей», поставившей «на свое ножины» чуждыхъ ей дѣтей. Не совсѣмъ понятны нынѣ типы такихъ бабокъ яркимъ свѣточемъ свѣтились въ простонародной семьѣ въ то отодвинутое отъ насъ время, когда крѣпостническій гнетъ заставлялъ покидать родину, семью и спастись на чужбинѣ, среди лицъ и семей, доселѣ ничего общаго не

имѣвшихъ съ бѣглецами. Поступивъ въ новую семью въ качествѣ работницы изъ-за хлѣба и пріюта, бѣглинка долгіе годы проживала здѣсь подъ именемъ тетки (въ отношеніи дѣтей)¹⁸⁾. Въ послѣдующее время, по мѣрѣ утраты силъ и непригодности къ труднымъ крестьянскимъ работамъ, она становилась семейною нянькою, въ каковомъ положеніи, исполняя болѣе легкія домашнія работы, выращала одного за другимъ чужого ребенка. Когда же старость приковывала ее къ углу, къ печкѣ, и въ послѣднихъ не отказывала благодарная семья, безпомощная старуха становилась почти тою же бабкой, безъ прибавленія «родны(о)й», о которой упоминалось выше, и замѣняла родную для тѣхъ, кто не имѣлъ таковой на самомъ дѣлѣ. Закинутая судьбою въ чужой край и семью, обездоленная старостью, эта бабка становилась одною изъ двухъ: или ненавистною ворчуньей, или же любвеобильною бабкою, соперничающею съ родною. Если въ первомъ случаѣ имя такой «приблудной бабки» произносилось, какъ названіе существа строптивого, при ея жизни и по смерти, во второмъ случаѣ оно было обяательно, но и здѣсь и тамъ оно наравѣ съ родными и родственными именами вносилось въ семейные поминальники, а ея одинокая могила чествовалась вмѣстѣ съ родственными, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, кому она отдавала свои послѣднія старческія силы, свою женственную ласку и любовь.

Остается примолвить «о бабцы пупорѣзныя», или просто—«пупорѣзницы». Грозное, повидимому, даже страшливое имя такой бабки есть неудачно приданное имя повитухи, пріемной бабки, и на самомъ дѣлѣ оно не устрашаетъ, а ласкаетъ слухъ деревенскаго простонародья,—собственно потому, что эта бабка есть первый вѣстникъ о родившемся дитяти; она же, принявшая на себя его первый «брудъ», даетъ ему и первую «хондогу»¹⁹⁾ на землѣ, чего не могутъ сдѣлать даже родители ребенка: мать — по изнеможенію, отецъ — по силѣ принятыхъ обычаевъ; другія лица, чужія и семейныя, не присутствуя при разрѣшеніи, совершенно къ сему и не допускаются за изъятіемъ развѣ исключительныхъ случаевъ. Это именно дѣяніе, да дѣяніе, выраженное именемъ «пупорѣзницы», могутъ считаться единственно выдающеюся

дѣятельностью бабки; все остальное, предшествующее и послѣдствующее разрѣшенію отъ беременности, идетъ само собою, и бабка тутъ скорѣе традиціонная, чѣмъ активная помощница.

Останавливаясь подробнѣе на бабкѣ и ея дѣятельности, прежде всего необходимо сказать, что «по бабкамъ хѳдуюць» лица, пригнанныя къ тому житейскими обстоятельствами: вдовствомъ, второстепеннымъ положеніемъ въ семьѣ, безродствомъ, оскуднѣемъ силъ, необходимыхъ для крестьянскихъ работъ, притяжимостью въ «лѣжн(я)мъ», ¹⁷⁾ къ «ласы(о)му куску» и бражничанью. Внѣ сихъ обстоятельствъ женщина не идетъ въ бабки, даже собственной и родственной семьи, и сказать молодой, обезпеченной женщинѣ, что она «пѳбдиць пѳ(о) бѳбкы(а)хъ», значитъ — много обидѣть ее. Такъ какъ бабкою становится случайница, раньше отверщивавшаяся отъ такой профессіи, то объ ея подготовленности, акушерскихъ познаніяхъ не можетъ быть и рѣчи. Вполнѣ достаточно съ бабки, если она на себѣ и другихъ наблюдала естественный выходъ утробнаго младенца, если она можетъ спокойно переносить чужіе стоны, не боится вида крови, податлива на слова и увѣщанія, можетъ пустить въ глаза пыль, не брезглива и кое-какъ сумѣетъ управиться съ «пупорѣзнымъ» дѣломъ, для чего ей достаточно имѣть при себѣ нехитрые предметы: острый ножичекъ, или ножницы, «шавчѣнку», ¹⁸⁾ даже простую нитку. Ясно, что такая бабка не можетъ предупредить родильнаго уклоненія, не можетъ исправить его, облегчить продолжительныхъ, тяжкихъ мукъ родильницы: «танъ надо!» — говоритъ она и дополняетъ: „любишь возицца — люби й сѣнички возиць!“. Однако, дабы не ронять себя въ глазахъ кліентовъ, бабка не бездѣйствуетъ, въ подобныхъ случаяхъ: изрѣдка поводитъ рукою по животу внизъ, кого-то осѣняетъ крестомъ, кому-то говоритъ «кышъ-кыщъ!» кого-то призываетъ на помощь, прося „ры(а)створиць ворѳбцы“. Тутъ же, по ея авторитетному слову, изъ избы удаляются всѣ, кромѣ мужа; женщины и, преимущественно, дѣвушки расплетаютъ волосы, развязываютъ узлы въ собственныхъ опояскахъ; степенный мужикъ, мужъ родихи, покорно ложится у порога, чтобы дать возможность своей мучающейся женѣ нѣсколько разъ